

Метафора угощения в языковых единицах со значением военных действий: когнитивный и культурный аспекты

Маргарита Жуйкова (Луцк, Украина)

0. Постановка проблемы

В восточнославянских языках с давних времен функционирует большое количество образных номинаций, прежде всего идиом, основанных на базовой метафоре угощения, употребления или приготовления пищи или, иначе говоря, на так называемом "кулинарном" коде. См., например, украинские идиомы и паремии *передати куті меду; як мед, так і ложкою, мало каші з'їв, як вареник у маслі, не один пуд солі з'їсти, ділити хліб-сіль, не дати плюнути собі в кашу, за сім верст киселю їсти*, рус. *заварить кашу, каша просит* (про порванную обувь), *уйти несолоно хлебаши, калачом не заманишь, дырка от бублика, отрезанный ломоть, крепкий орешек*, белор. *адбіваць хлеб, хлеб аддаць, скарынка хлеба, ні мёду ні смуроду, не клёцкі сёрбаць, еш не хачу, піва не зварыш*, а также метафорические предикаты *пересолить, расхлёбывать* и под. Некоторые образные единицы из этой большой группы подробно рассматривались в специальных лингвистических работах.

Наибольшую по численности и разнообразную по функционально-семантическим признакам группу образуют номинации, в которых "кулинарный" код служит для называния физического воздействия на человека, наказания, избиения, отплаты за какую-то вину. Это, например, украинские выражения *почастувати різками (канчуками, киями, ломакою), почастувати юшкою, дісталоя на горіхи, заробити на баранки, всипати березової каші, дати дубового сала, дати товчеників, покуштувати віника (різок, кия), всипати бобу та гороху*, рус. *потчевать (угощать) пинками (щипками, ударами), отведать калиновой каши*, белор. *палучаць бярозавай кашы, палучыць на арэхі*. Кроме того, кулинарный код часто используется при обозначении обстрела из огнестрельного оружия: *зустріти олив'яними гостинцями, пригостити свинцем* и другие, которые будут подробно рассмотрены ниже. В этой группе могут быть выделены семантические подклассы, соотносящиеся с разными референтными ситуациями. Эти ситуации отличаются по характеру воздействия субъекта на объект: наказание розгами или палками, избиение в потасовке, пощечина, поражение из огнестрельного оружия, словесное порицание и т.п. Между внутренней формой этих языковых единиц и их лексическим значением иногда существуют довольно четкие корреляции. Так, прилагательное *березовый (березовые)* входит в состав идиом, которые называют наказания розгами, а идиомы с прилагательными *оловянный, железный* обозначают военные действия, обстрел. Однако такая специализация наблюдается относительно редко, поскольку в целом в этой группе образных номинаций доминирует тенденция к содержательному обобщению и нивелированию семантических оттенков отдельных выражений. Например, идиома *дать / получить на орехи* может означать как избиение и другие формы активного влияния на человека, который в чем-то провинился, так и военные действия.

Названная группа образных номинаций, как мы уже сказали, объединяется общей идеей угощения, надления чем-то съедобным, получения пищи. В разных языковых единицах эта идея манифестируется при помощи разнообразных, часто довольно узко специализированных средств. Поэтому уместно задаться вопросом: чем вызвано появление той или другой конкретной единицы кулинарного кода? Почему это *каша, похлебка* и *сало*, а не, например, *борщ, вареники* и *сметана*? Какая связь между *бобами* и *горохом* и обстрелом противника? Почему в этом коде нет *капусты, рыбы, меда*? Почему среди предикатов, которые кодируют ситуации наказания, так часто используются глаголы с семантикой каузации поедания пищи (*дать, угостить*,

попотчевать)? Иными словами, чем обусловлен выбор единиц кулинарного кода для обозначения сферы наказания и избиения, какие семиотические закономерности можно тут обнаружить? Все это сводится к вопросу о механизмах возникновения указанных образных номинаций, о развитии мысли их создателей, о когнитивных операциях, осуществляемых при порождении новых языковых знаков.

В данной статье мы подробно рассмотрим лишь те образные номинации, которые обозначают обстрел из огнестрельного оружия. Они не настолько устойчивы, чтобы получить статус идиом; их можно назвать одно-, дво- и трехкомпонентными метафорическими номинациями. См., например, рус. *угостить свинцом*, укр. *зустріти олив'яними галушками, почастувати чавунними кавунами* и др. Целью нашего разыскания является не только описание этих образных номинаций и их семантико-функциональная характеристика, но и выявление специфики их образования, анализ когнитивных механизмов, которые их породили. Последняя задача тесно связана с вопросом об общих когнитивных основах идиомообразования и метафоризации, о роли ментальных процедур идентификации, категоризации, интерпретации, сравнения и оценки данных чувственного опыта в процессах номинации.

1. Метафорические номинации, обозначающие военные действия

В этой сфере человеческого опыта наиболее релевантным фрагментом является ситуация боя, активного взаимодействия враждующих сторон. После возникновения и распространения огнестрельного оружия поединок двух противников, которые находятся в тесном физическом контакте и сражаются с помощью холодного оружия, постепенно уступает место дистантному бою, когда воюющие стороны разделяются некоторым пространством и поражают друг друга на расстоянии. Эта новая ситуация и оказывается в центре ментальной сферы военных действий. В ее осмыслении обязательно присутствует эмоционально-оценочный компонент, а потому говорящим нужны для ее названия высоко экспрессивные языковые единицы. Очевидно, что удовлетворить требованию экспрессивности и оценочности могут лишь метафорические, образные номинации, которые представляют сферы военных действий через какие-то другие фрагменты человеческого опыта.

Донорской зоной для концептосферы "обстрел из огнестрельного оружия" в русском и украинском языках выступает такая важная для традиционной культуры сфера, как прием (встреча) гостей в доме хозяина. С приемом гостей связываются прежде всего представления об угощении, наделении пищей, одаривании, которые входят в комплекс поведенческих и этических норм, регулирующих действия как гостя, так и хозяина. Именно эти представления и легли в основу метафорического осмысления военных действий с применением огнестрельного оружия.

Рассмотрим подробнее способы номинации концепта "обстрел из огнестрельного оружия".

Для этого используются прежде всего предикаты рус. *угостить*, *попотчевать*, укр. *почастувати*. Объектом при этих предикатах могут выступать существительные нескольких типов: во-первых, прямые или метонимические названия тех предметов, которыми стреляют из огнестрельного оружия (*пули, картечь, свинец*), во-вторых, номинации с обобщенной семантикой подарка (*гостинец*), в-третьих, образные номинации, которые принадлежат к категории 'то, что употребляется в пищу' (*пшено, перец, мак, галушки, фасоль, бобы, горох* и др.). См. следующие примеры из украинской и русской литературы и фольклорных текстов:

(1) "...*То ви добре майте,
По дві штуки гармат набирайте,*

*Тую галеру із грозної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте!" Дума про Самійла Кішку [ГЕ 35].*

*(2) То теє промовляв,
На присішках став,
Без міри пороху підсипає,
Татарину гостинця у груди посилає.
Ой ще козак не примірівся,*

А татарин ік лихій матері з коня покотився! Дума про козака Голоту.

[Куліш 1, 18].

(3) — Воевода буде дуже задоволений тобою, бай Момчиле, — сказав один із супутників старого. — Ця допомога якраз вчасна. Собака Сафар-бей готує напад на Чернаводу, і ми його зустрінемо олов'яними гостинцями... В.Малик. Посол Урус-Шайтана.

(4) Сунуть люди рівними лавами... Іде лава на лаву, посилаючи одна другій олив'яні гостинці, дишучи огнем та димом... Панас Мирний. Лихі люди.

(5) — На місця! До зброї! — командував він. — Ех, коли б Гонта заманив цю погань, то ми б її почастували чавунними кавунами: любо буде глянути, як уся гайдамацька наволоч кинеється врозтіч під градом картечі й куль! М.Старицький. Останні орли.

(6) Шафранський ... підтримував бадьорий настрій в усьому місті; ... запевняв, що його фортеця міцна й неприступна, що він сам хоче якнайшвидше побачити «ту погань» і почастувати їй з височини мурів картеччю. М.Старицький. Останні орли.

(7) — Покайтеся, бо година помсти близька!

— За ласку вам дякуємо, а вам ми радимо, забирайтесь до диявольської мами, бо зараз привітаємо вас олив'яними галушками, що ні один з вас живий не вийде. А.Чайковський. Сагайдачний.

(8) — До возів! — скомандував він, не даючи їм часу опам'ятатися. — Он у вас рушниці... Стріляйте по ляхах із-за возів... Почастуйте їх по-запорозькому свинцевим горохом! М.Старицький. Останні орли.

(9) Забил снаряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью! М.Лермонтов. Бородино.

(10) — ...Скільки раз говорив я гермейстеру, чтобы поставит все пушки на дыбы и не дават растаскиват ядер на поварни.

— Славно сказано, барон; еще лучше, когда б это исполнилось. Тогда перестали бы ревельцы потчевать приятелей, как их потчуют русские, калеными ядрами в виде пирожков. А.Бестужев. Ревельский турнир.

Для виявлення механізмів перенесення номінації с одної сфери на другуу следует сопоставить некоторые характерные признаки ментальных образов ситуаций обоих типов: угощение и обстрела. Это поможет выделить как инвариантные, так и отличительные (дифференциальные) признаки.

Угощение гостя осмысливается в народной культуре как его одаривание, наделение его определенными вещами, которые имеют высокий ценностный статус в обществе, чаще всего пищей. Поэтому мы будем говорить дальше не о ментальных образах совместного приема пищи, а об образе дарения, наделения даром. В этой ситуации присутствуют такие участники: субъект (агент), адресат (лицо, которое получает дар) и сам объект передачи (дар). При этом важно принять во внимание, что до начала действия объект обязательно должен принадлежать субъекту, иначе последний не может распоряжаться этим предметом и передавать его другому лицу в дар. Вследствие акта дарения предмет перестает принадлежать субъекту и переходит в

собственность адресата (и одновременно оказывается в его личном пространстве). Существенно и то, что субъект действует целенаправленно и сознательно. Еще один релевантный признак ситуации мы укажем ниже. К нерелевантным признакам ситуации отнесем саму процедуру перемещения предмета от субъекта к адресату и материальный характер этого предмета.

Ситуация обстрела из огнестрельного оружия оказывается более сложной по своей ролевой структуре (*кто обстрелял кого из чего чем*). В ней имеются четыре участника с иными ролями, чем в ситуации угощения. Враг, по которому стреляют, — объект, на него направлено действие; предмет, которым стреляют, — это средство, а то, из чего стреляют, — инструмент. "Средство" (пули, картечь и под.) в ситуации обстрела к началу действия входит в сферу владения субъекта, а в результате действия перестает в ней находиться. Субъект сознательно направляет движение "средства" таким образом, чтобы оно переместилось туда, где находится объект (точнее: в личное пространство объекта).

Как видим, семантические роли участников ситуаций дарения и обстрела различаются: предмет, который передается, в одном случае выступает объектом, а во втором — средством; адресат первой ситуации становится объектом во второй. Во избежание неоднозначности дальнейшего изложения, при сопоставлении ситуаций мы будем использовать названия актантов, которые описывают ситуацию дарения. Такой выбор мотивируется тем, что последняя выступает донорской зоной для номинации обстрела из огнестрельного оружия. Поэтому предметы, которыми стреляют и которые выступают аналогами дара, мы будем называть объектами, а врага, по которому стреляют, — адресатом.

Представим на схеме соотношение ролевых структур предикатов, обозначающих две ситуации: одаривание гостя и обстрел противника, а также укажем их концептуальные роли.

Ролевая структура предиката <i>дарить</i> (донорская зона метафоризации)	агент: <i>кто</i>	<i>дарит</i>	адресат: <i>кому</i>	объект: <i>что</i>	
Ролевая структура предиката <i>обстреливать</i> (реципиентная зона метафоризации)	агент: <i>кто</i>	<i>обстреливает</i>	объект: <i>кого</i>	средство: <i>чем</i>	инструмент: <i>из чего</i>
Концептуальная структура фрейма дарения, используемая при метафоризации	<хозяин>		<гость>	<дар>	

Сопоставление двух ролевых структур наглядно показывает, как именно происходит замена актантов (на концептуальном уровне им соответствуют слоты) в процедуре метафоризации. Важно отметить, что эта замена является результатом когнитивного сближения двух ситуаций и осмысления обстрела как дарения. Как мы уже отмечали, эти ситуации сближаются на основе таких инвариантных признаков: 1) субъект действует сознательно; 2) объект перестает належать субъекту; 3) субъект стремится сделать так, чтобы объект попал в пространство адресата (или в сферу его собственности). Заметим попутно, что эти признаки обнаруживаются на уровне осмысления обеих ситуаций и не принадлежат к наблюдаемым. Кроме того, в обеих ситуациях присутствует такой наблюдаемый признак, как перемещение объекта от субъекта к адресату, однако в ситуации дарения он оказывается, как правило, нерелевантным (очевидно, что расстояние, на которое перемещается объект, может

варьироваться: оно гораздо меньше в ситуации дарения, когда возникает прямой физический контакт, чем в ситуации обстрела). Сближение ментальных образов двух ситуаций базируется на некоторых общих признаках, среди которых доминирует передача определенного объекта от субъекта к адресату.

Теперь обратим внимание на наличие в обеих ситуациях еще одного признака, который реализуется через свое наличие или отсутствие. Назовем этот признак так: заинтересованность / незаинтересованность адресата в том, чтобы иметь объект в своем пространстве (или своей собственности). В случае дара можно утверждать, что адресат заинтересован в том, чтобы что-то получить, поскольку общественная норма требует от хозяина наделить гостя чем-то особенным, ценным. Адресат (гость) стремится получить дар. В ситуации обстрела, напротив, адресат не заинтересован в том, чтобы у него оказался объект, иначе говоря, он не хочет получить предмет, направленный субъектом в его пространство. Этот предмет не составляет для адресата никакой ценности, поскольку, во-первых, не может быть им использован, а во-вторых, может стать причиной ущерба: разрушения, ранения или даже смерти. Поэтому он не только не ценен для адресата — он опасен и нежелателен.

Именно этот признак, который можно назвать иначе: "отношение адресата к объекту-дару", актуализируется в тех случаях, если обстрел из огнестрельного оружия обозначается языковыми единицами из сферы угощения или дарения (*послать гостиницу, угостить свинцовым горохом, дати залізного бобу* и т.п.). В одном способе номинации сталкиваются такие компоненты, как передача предмета-дара от субъекта к адресату и нежелание адресата иметь этот предмет. Это и создает экспрессивное напряжение подобных языковых единиц, делает употребление предикатов *угостить, попотчевать* ироническим.

Для осознания оценочной и эмоциональной нагрузки этих выражений важно также принять во внимание, что обрядовая или даже бытовая ситуация угощения обязательно задает определенное распределение социальных ролей: одна сторона выступает как хозяин, а вторая как гость. Хозяин является активным, ему принадлежит инициатива, кроме того, он находится на своей территории и свободно распоряжается своей собственностью. Гость, соответственно, приходит на чужую территорию, он пассивен и сильно ограничен в своих действиях; сфера его собственности также существенно сужена (у него есть только то, что он принес с собой). Можно утверждать, что роль хозяина, которую берет на себя одна из воюющих сторон, оказывается концептуально значительно более привлекательной, чем роль гостя. Поэтому, как показывают примеры, в роли субъекта метафоры угощения выступает коммуникативно активная сторона (*мы их, а не они нас угостили, попотчевали, встретили* и под.). Если подобные выражения использует автор-рассказчик, то он, как правило, характеризует действия той из воюющих сторон, которой симпатизирует (исключение составляет пример (3)).

Осмысление военных действий как угощения стимулирует поиски образных номинаций для пуль и пороха среди предметов, которые могут быть съедены или используются для приготовления пищи. Подбираются прежде всего такие предметы, которые похожи на пули и порох по форме, размеру, иногда и по цвету. Наша выборка из текстов украинской литературы показывает, что такими предметами являются *пшено, перец, мак* (семена), *фасоль, бобы, горох, арбузы, галушки*. В основном это предметы круглой формы, которые своими размерами напоминают порох, пули или пушечные ядра разного калибра.

Рассмотрим подробнее вещественные основания для метафорических номинаций пороха и пуль.

Как известно, порох ранее вырабатывался и применялся в виде порошка (отсюда и его название), в который входили сера, селитра и древесный уголь. Со временем из

этого порошка начали вырабатывать мелкие крупинки, так называемые "зёрна", что обеспечивало более тесный контакт составных частей пороха и давало лучший эффект при стрельбе. Диаметр таких зерен варьировался в зависимости от того, для какого вида оружия предназначался порох, и в среднем составлял несколько миллиметров. Можно предположить, что именно поэтому порох кодировался не одной, а несколькими метафорическими номинациями: *перец, мак, пшено*.

Особенно распространенной метафорической номинацией пороха во всех восточнославянских языках является слово *мак*. В словаре В.Даля зафиксирована интересная номинация *ружейный мак*, которую Даль толкует так: "Стрельное зелье, порох, продаваемый тайком" [Даль 2, 291]. Очевидно, высокая распространенность таких образных номинаций, как *мак, ружейный мак, черное пшено*, была обусловлена необходимостью скрывать истинное содержание предмета разговора.

Подобным же образом подбирались метафорические номинации для пуль и снарядов: решающими был их размер, который соответствовал калибру оружия. См. такие метафорические названия, как *горох, бобы, фасоль, галушки, арбузы, пирожки*. Заметим, что это не единственные известные способы обозначения пуль и ядер. Возможно, в живой народной речи их было гораздо больше. Например, в словаре В.Даля находим такие редкие метафорические выражения, относящиеся к военным действиям: "[Идти] *под стукалов монастырь, под чугунные колобы*, на войну" [Даль, 2, 138]. Именная группа *чугунные колобы* кодирует тут пушечные снаряды (ядра). В данной номинации также подчеркивается прежде всего форма снарядов.

Характерно, что метафорические номинации снарядов, пуль и пороха часто объединяются в текстах с прилагательными *свинцовый, чугунный, железный*, которые указывают на металл, из которого сделаны эти пули, и с прилагательным *черный*, обозначающее цвет пуль или пороха. Таким образом повышается экспрессивность этих форм номинации и вместе с тем облегчается их распознавание как метафорических, образных.

Заметим также, что признаки сходства между пулями или порохом, с одной стороны, и предметами, которые употребляют в пищу, с другой, могут выходить за рамки внешних характеристик предметов двух рассматриваемых сфер. Существенным для сближения могли быть также процессуальный и инструментальный аспекты, при которых бралось во внимание то, как и в чем готовят эти предметы к употреблению / использованию. Имеем в виду способ обработки зерен некоторых растений и технологию изготовления пороха, между которыми было много общего. Так, чтобы получить пшено, из которого варят кашу, просо толкли в ступах; мак также перед употреблением толкли или растирали. Для изготовления пороха его компоненты (древесный уголь, селитру) надо было тщательно растолочь, измельчить пестом в специальных ступах. Итак, и орудие, и способ действия, которые применяются в технологических процессах, оказываются в определенной мере подобными, что тоже содействует ментальному сближению двух разных сфер человеческого опыта и осуществлению на этой основе метафорического переноса.

2. Культурные основания интерпретации военных действий и наказания как угощения

Метафора, которая представляет наказание (в его широком смысле) как угощение, имеет под собою глубокие мировоззренческие основы. Выше уже говорилось о том, что угощение, наделение гостя пищей в народной культуре осмысливается как одаривание. Остановимся более подробно на архаических представлениях о категориях дара и гостя, тесно связанных между собой.

Пища, то есть всё, приготовленное к употреблению, была тем ценнейшим объектом, ради которого прилагал свои усилия первобытный охотник, скотовод или земледelec. Однако в архаической культуре употребление пищи никогда не рассматривалось только как акт, обеспечивающий выживание человека как существа биологического. Очень рано к этому был добавлен и культурный, семиотический компонент: пища интерпретировалась как дар, полученный людьми от высших существ, богов, которые распоряжаются всем видимым и невидимым миром. Лексемы *доля* (от *делить*), *счастье* (буквально: "добрая часть") указывают на то, как именно древний человек представлял себе распределение благ в мире: определенное высшее существо, владеющее богатством, выделяет человеку (точнее, человеческому сообществу) его часть, маленькую или большую, то есть одаривает его тем, что ему необходимо для жизни, и прежде всего пищей. Получив дар, человек обязательно должен отдать часть тому божеству, от кого его получил, в знак благодарности за дары и в надежде на будущие щедроты распорядителя благ¹. Одаривание божества пищей имело целью добиться его милостей, обеспечить коллективу жизненные блага, процветание в будущем.

Статус гостя в традиционной культуре славян в значительной мере определялся восприятием его как существа сакрального, как представителя или посланца высших сил или же как медиатора между двумя мирами. Украинская пословица *Гість в дім — Бог в дім* концентрированно отражает идею сакрального статуса гостя. Такое понимание его статуса диктовало и соответствующее поведение хозяина: он должен был принять гостя как можно лучше и всячески демонстрировать готовность ему услужить. Гостя сажали на самое почетное место в доме, угощали, обеспечивали отдых и мытье, кормили его коней, давали пищу на дорогу и т.п. "Хозяин ... старался принять гостя как можно лучше, надеясь путем символического соглашения с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее" [СД, 1, 532]. Поскольку одаривание гостя интерпретировалось как жертва божеству, оно становилось необходимым компонентом этикетных норм, нарушение которых угрожало опасностью не только определенному лицу или семье, а и целому коллективу (роду). Ср. русскую поговорку: *Кто за хлеб-соль берет со странного* [т.е. с путешественника, странника — Авт.], *у того спорыньи* [удачи — Авт.] *в дому не будет* [Даль ПРН, 2, 242].

Таким образом, в народном сознании существовала стойкая концептуальная корреляция "гость" — "дар", где адресатом дара выступает гость, а субъектом — хозяин.

Именно эта корреляция и отразилась на осмыслении некоторых ситуаций, далеких от стереотипа приема гостя как посланца высших сил, однако совпадающих с ним по некоторым релевантным признакам. Имеем в виду прежде всего разбойные нападения, военное вмешательство, кражи и т.п., которые осмысливались как вторжение лица (группы лиц) на чужую территорию. Одна сторона в этих ситуациях сохраняет свой статус хозяина, так как продолжает находиться в своем пространстве. Другая сторона, осуществляющая агрессию, получает статус *непрощеного гостя*, см. рус. пословицу *Незванный гость хуже татарина*, где слово *татарин*, безусловно, актуализирует смысловой компонент 'агрессор'. В другой пословице непрощеный гость получает резко отрицательную характеристику "пёс": *Званный — гость, а незванный — пёс* [Даль ПРН, 2, 247]. Ср. также ироническое, насмешливое употребление слова *гость* по отношению к ворам в русском фольклорном тексте XVIII в.:

¹ Архаическая трактовка совместной еды как жертвы божеству подробно рассмотрена в работе О.М.Фрейденберг "Миф и литература древности".

Однажды ... забрались к ним в рож откуда то гости на добрых конях и с самыми исправными жатвенными орудиями, ржи ножали [неправильно, должно быть пожали — Авт.], в снопы связали, на телеги уклали, да сами только и были. Анекд. пошех. 142. [СлРЯ 18, 196].

Очевидно, что в народной среде отношение к непрошеному гостю существенно отличалось от отношения к нормальному, желанному гостю как существу сакрализованному. Тем не менее хорошо усвоенный концептуальный сценарий приема гостей позволял переносить некоторые признаки одной ситуации на другую. Следствием этого и являются интерпретации фрагментов одной концептуальной сферы (агрессия) в понятиях другой (одаривание гостя): предметы, которые перемещаются от субъекта к адресату (не только пули, но и само оружие, орудие наказания), осмысливаются как дары, как жертва, прежде всего съедобная. На языковом уровне это обнаруживается в употреблении метафорических предикатов *угостить*, *попотчевать*, *отведать* и под. Но поскольку статус стороны-агрессора иной, чем статус гостя (это непрошенный, т.е. нежелательный гость, в определенном смысле "антигость"), то поведение хозяев относительно него меняется: если его и угощают, то чем-то таким, что нормальному гостю никогда не дают и сами не едят. Так, на русском Севере, в деревнях Северного Белозерья непрошеным гостям давали пить самое плохое пиво — "перевару" [Сев. Бел. 146]. Это же представление отражено в русской поговорке *Каков гость, таково ему и угощение* [Даль ПРН, 1, 188].

Ср. также противопоставление двух гостей — богатого и бедного — в белорусском заговоре против эпилепсии:

Прыехалo (імя) два гoсці, адзін бeнны, другі багаты. Багатагo саджаюць за стол, а бeннагa кідаюць пад стол. Багатагa частуюць медамі-вінамі, а бeннагa закідаюць чорнымі штанамі [Замовы, 349].

Отметим, что ситуация "антиугощения" хорошо разработана в фольклоре и обрядах. Так, в фольклорных текстах разных жанров описываются кормление человека из свиного корыта, из лохани, в которую сливают помои, а также угощение помоями, сеном, гнилью, половой, лошадиным или коровьим помётом и другими предметами, не предназначенными для употребления в пищу. См. ироническую концовку русской народной сказки: "...Здесь меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не тил, не ел..." [Ск. Аф. 289]. Это, конечно, не угощение в обычном, традиционном понимании, когда наделение человека пищей — это проявление уважения к нему, утверждение его высокого социального статуса, а "угощение наоборот", направленное на унижение гостя, на подчеркивание его крайне низкого статуса. Можно предполагать, что "антиугощение" не просто подчеркивает такой статус, но и формирует его. Отрицательное отношение к человеку может выражаться в том, что ему желают подавиться ненормальной, нечеловеческой пищей, см. в русской "корильной" песне:

*... У нас дома не здорово,
Свекор с печки свалился,
За корыто завалился! ...
За корыто завалился,
Мякиною подавился! [Кир. Якуш. 188].*

Мотив неадекватного угощения находим и в быличках, повествующих о встрече человека с нечистой силой. Черт или леший в облике знакомого приглашает человека в кабак, угощает вином, что-то дарит. Потом этот человек оказывается в каком-то отдаленном или опасном месте, а подарки превращаются в помет, уголь, глину и т.п. См. в этой связи записанный в Харьковской губернии рассказ о контакте человека с ведьмой: *"Унадилася до одного чоловіка відьма корову доїти. Оці він і задумав її піймати. Йому хтось наказав, що як сядеш у загороді за бороною, то вона тебе не*

побаче. Він так і зробив. Сів за бороною і сидить. Вона прийшла та зараз взяла гарячий кизяк та й положила йому за пазуху та й каже: «На тобі гостинець та й сиди тут!», а сама корову подоїла та пішла собі, а він просидів до самого світу з гостинцем за пазухою" [Иванов, 451]. Здесь в роли "гостинца" ведьмы выступает свежий помёт — предмет подчеркнуто несъедобный, окрашенный коннотациями нечеловеческого мира.

В метафорически осмысленных военных действиях непрошеного гостя — агрессора также угощают тем, что не годится к употреблению в пищу: *железными бобами, свинцовым горохом, чугунами арбузами* и т.п.

Мы уже отмечали, что при осмыслении военных действий как угощения специфическим способом актуализируется оппозиция "хозяин" — "гость". Это обнаруживается в том, что роль субъекта действия, обозначаемую метафорическими предикатами *угостить, встретить, приветствовать*, часто берет на себя субъект речи (или рассказчик, симпатии которого на стороне коммуникативно активной стороны): хозяин активно *встречает / угощает* агрессора особыми дарами (пулями, снарядами). Это несколько противоречит представлениям о распределении ролей в ситуации агрессии (как правило, более активным является агрессор, то есть тот, кто посягает на чужую территорию или собственность), тем не менее хорошо вписывается в концептуальную структуру, соответствующую стандарту приема гостя. В самом деле, роль гостя в доме хозяина довольно пассивна, ему больше запрещено, чем разрешено, тогда как хозяин выступает активной стороной, он может и должен проявлять инициативу. "Гость фактически становится заложником определенных этикетных требований, которым он вынужден подчиняться" [СД, 1, 532]. Ср. пословицы, приведенные у В.Даля: *В гостях, что в неволе; У себя, как хочешь, а в гостях, как велят* [Даль ПРН, 2, 244]. Поэтому, несмотря на высокий положительный семиотический статус гостя, в традиционном концепте "гость" могут быть выявлены и отрицательные компоненты. Именно они и актуализируются при осмыслении военных действий через метафору угощения.

Таким образом, в метафоре угощения, которая служит для интерпретации военных действий, актуализируются только некоторые составляющие концептуальной структуры приема гостя в доме хозяина. Но это составляющие чрезвычайно важные и стойкие. Центральной среди них является идея угощения гостя как его одаривания чем-то ценным. Именно она доминирует при образном осмыслении обстрела из огнестрельного оружия. Вторым важным компонентом концепта приема гостя является функциональная оппозиция "хозяин" — "гость", которой приписываются характеристики "активный" — "пассивный". В этой оппозиции содержатся латентные оценки обоих участников (в определенном смысле быть хозяином — хорошо, а быть гостем — плохо). Выбор языковых единиц, которыми метафорически обозначаются военные действия, является следствием актуализации названных концептуальных компонентов.

Литература и сокращения

- ГЕ — Героїчний епос українського народу: Хрестоматія / Упоряд. та примітки О.М.Таланчук. — К.: Либідь, 1993.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В 4-х т. — М., 1955.
- Даль ПРН — Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сборник в 2 томах. — СПб.: Литера - "ВИАН", 1997.
- Замовы — Замовы / Беларуска народная творчасць. — Мінск: Беларуская навука, 2000.

- Иванов — Иванов П. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. — К.: Либідь, 1991. — С. 430-497.
- Кир. Якуш. — Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина. Том 2. — Л.: Наука, 1986.
- Куліш — Записки о Южной Руси: Издал П.Кулиш. Т. 1, 2. — К.: Дніпро, 1994.
- Сев. Бел. — Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. — М., 1997.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого. — Т. 1. — М.: Международные отношения, 1995.
- СлРЯ 18 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. — Л.: Наука, 1989.
- Ск. Аф. — Народные русские сказки А.Н.Афанасьева в трех томах. Т. 1. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957.
- Фрейденберг — Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. — М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1998.